

Классический перевод
Михаила Салье

НАСТОЯЩИЕ СКАЗКИ 1001 НОЧИ

Современные
иллюстрации
бильвизз

МИО

Настоящие сказки:
новая иллюстрированная коллекция

НАСТОЯЩИЕ СКАЗКИ 1001 НОЧИ

Иллюстрации
БИЛЬВИЗЗ

Перевод с арабского
Михаила Салье

Москва
«МИФ»
2024

Содержание

Предисловие составителя	7
Рассказ о царе Шахрияре и его брате	17
<i>Рассказ о быке с ослом</i>	24
Рассказ о купце и духе	28
<i>Рассказ первого старца</i>	31
<i>Рассказ второго старца</i>	35
<i>Рассказ третьего старца</i>	39
Рассказ о рыбаке	41
<i>Повесть о везире царя Юнана</i>	48
<i>Рассказ о царе ас-Синдбаде</i>	53
Сказка о коварном везире	55
<i>Рассказ заколдованного юноши</i>	70
Рассказ о носильщике и трех девушках	81
<i>Рассказ первого календера</i>	101
<i>Рассказ второго календера</i>	108
<i>Сказка о завистнике и внушившем зависть</i>	118
<i>Рассказ третьего календера</i>	132
<i>Рассказ первой девушки</i>	151
<i>Рассказ второй девушки</i>	161
Рассказ о трех яблоках	173

Рассказ о Зуль-Карнейне	182
Рассказ о царе Ануширване	184
Рассказ о Ширин и рыбаке	186
Рассказ о воробье и павлине	188
Рассказ об яйце птицы Рухх	190
Повесть о Харуне ар-Рашиде и невольнице	192
Рассказ об Исхаке Мосульском	198
Рассказ про Ала ад-Дина и волшебный светильник	205
Рассказ про Али-Бабу и сорок разбойников и невольницу Марджану	273
Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис	325
Рассказ об узрите и его возлюбленной	370
Сказка о Синдбаде-мореходе	372
<i>Рассказ о первом путешествии</i>	376
<i>Рассказ о втором путешествии</i>	386
<i>Рассказ о третьем путешествии</i>	395
<i>Рассказ о четвертом путешествии</i>	407
<i>Рассказ о пятом путешествии</i>	421
<i>Рассказ о шестом путешествии</i>	431
<i>Рассказ о седьмом путешествии</i>	440
Повесть о медном городе	450
Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском	484
Рассказ о Маруфе-башмачнике	550
Рассказ о царе Шахрияре и Шахразде	604

Предисловие составителя

«Книга тысячи и одной ночи» — один из самых известных памятников средневековой арабской литературы. Это собрание поучительных, развлекательных и часто остросюжетных историй разных жанров, объединенных общей редакцией, для западных читателей с давних пор прочно ассоциируется с загадочным и опасным Востоком. Но всемирную популярность этот сборник приобрел благодаря живому интересу французской аудитории XVIII века к восточной экзотике.

Европу с «Книгой тысячи и одной ночи» познакомил Антуан Галлан (1646–1715), французский ученый, коллекционер, собиравший восточные рукописи для Королевской библиотеки, дипломат и путешественник. Он перевел — а точнее, переложил с учетом вкусов двора Людовика XVI — с арабского на французский язык рукопись, которую приобрел во время путешествия по Ближнему Востоку. Галлан намеревался сделать акцент на дидактической, а не развлекательной стороне сборника, но интерес читателей того времени к волшебным сказкам заставил его поменять концепцию. В результате сборник сказок стал невероятно популярен и впоследствии его влияние проявилось не только в области художественной литературы, фольклористики и нарратологии, но и в других сферах творчества, включая музыку, живопись, предметы интерьера, дизайн и кинематограф.

Существуют разные варианты наименования сборника сказок. Так, в современной западной традиции в последнее время спискам, составленным до перевода Галлана принято давать название «Тысяча и одна ночь», а составленным

после — «Арабские сказки» (Arabian nights), что позволяет включить в них максимально широкий спектр историй, включенный в свод позже.

Происхождение книги «Тысячи и одной ночи» точно не установлено. Основываясь на лексических и стилиевых особенностях произведения, исследователи выделяют в нем три цикла, три разновременных пласта, наслаивающихся друг на друга:

- *индоиранский цикл* восходил к сборнику «Хезар афсане» и включал волшебные сказки, рассказы о благочестивых и святых людях, сказки о животных;
- *багдадский цикл* включал исторические и бытовые анекдоты, рассказы, зародившиеся в торгово-ремесленной среде города IX–X вв. и воплотившие мечту о добром и могущественном правителе, в частности, в них фигурировал известный аббасидский халиф Харун ар-Рашид и его визирь Джа‘фар Бармакид;
- *египетский, или каирский, цикл* объединил плутовские новеллы, героические эпопеи и волшебные сказки XII–XIII вв. В эту редакцию впоследствии вошли упоминания Крестовых походов и повествования о монгольских завоеваниях.

Отдельно стоят сказочные циклы («Путешествия Синдбада», «Сейф аль-Мулук» и другие).

Рассказы каждого цикла являются результатом влияния местных повествовательных традиций и социально-культурных условий в целом. Основу сборника, вероятно, составляет арабский перевод X в. пехлевийского сборника «Тысяча сказок» («Хезар афсане»), который, в свою очередь, восходит к индийским оригиналам. При этом памятник никогда не имел фиксированного состава и продолжал пополняться вплоть до начала XIX века. Считается, что произведение в том виде, в котором оно дошло до нас, оформилось в XIV–XV вв. При этом вопрос, было ли к тому времени утрачено значительное количество повествований из изначальных списков или их число увеличилось, остается открытым.

Становление цикла сказок было тесно связано с расцветом городской культуры в арабском мире с IX по XIV вв. На рыночных площадях крупных городов, таких как Багдад и Каир, сказители наряду с бродячими артистами развлекали городскую люд занимательными историями. А в XVI в. профессиональные рассказчики переместились в ставшие популярными городские кофейни, где их слушателями были простые горожане, торговцы и ремесленники.

В основе современного корпуса сборника две традиции — устная и письменная. До окончательной фиксации памятника сказки бытовали изустно. Сказители основывались на богатом наследии легенд, исторических анекдотов, поэтических сборников и бытовых историй. Впоследствии они стали опираться на записанный текст: рукописные сборники занимательных историй можно было недорого взять на время у книготорговцев.

В зависимости от конкретной цели или ситуации рассказчики добавляли, редактировали или вовсе убрали ту или иную историю. В сборник стали проникать новые тематические элементы. Так, в XI–XIV вв. в Каире были популярны рассказы о невероятных злоключениях торговцев, о плутовских похождениях авантюристов, о сверхъестественных существах, волшебных талисманах и магических практиках. Магия понималась как способность получить доступ к невидимым во внешнем мире силам и использовать их в своих целях. Эти мотивы нашли отражение, например, в рассказах «Маруф-башмачник» и «Далила-Хитрица и Али Зейбак Каирский».

На настоящий момент известно свыше ста рукописей «Тысячи и одной ночи». Все сохранившиеся рукописи основаны на двух редакциях: сирийской и египетской.

К сирийской — более старой — редакции относится рукопись, ставшая основой первых переводов Антуана Галлана. В последующих изданиях Галлан добавил сказки о Синдбаде, о Камар аз-Замане, а также сказания из египетских рукописей.

Наибольшей популярностью в сборнике пользовались сказки, рассказанные Галлану путешественником из Алеппо Ханной Дийабом. Это так называемые «сказки-сироты», то есть повествования, которые не встречаются в более ранних рукописях.

На основе рукописей, относящихся к египетской редакции, были подготовлены наиболее полные издания «Тысячи и одной ночи»: Первое (1835), Второе Булакское (1862) и Второе (или Полное) Калькуттское (1839–1842).

Наиболее точные переводы с языка оригинала в XIX – первой половине XX в. были осуществлены со Второго Калькуттского издания. Это же издание легло в основу первого перевода «Тысячи и одной ночи» на русский язык С. А. Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского в 1929–1939 гг. Затем несколько переработанный этот же перевод был переиздан в 1958–1959 гг.

После успеха первых переводов в Европе в XVIII в. резко вырос спрос на рукописи «Тысячи и одной ночи», что породило множество подделок. Так, литературной фикцией были издание М. Хабихта, а также рукописи М. Шависа (вторая половина XVIII в.) и М. Саббага (начало XIX в.).

Если вначале книга «Тысячи и одной ночи» воспринималась в Европе как развлекательное произведение, то в начале XIX в. она стала предметом серьезных научных исследований. Изучению жанрового состава памятника, его генезиса и структуре положили начало такие выдающиеся востоковеды XIX в., как Й. Хаммер-Пургшталь (1774–1856), Э. У. Лейн (1801–1976), М. Й. де Гье (1836–1909), Т. Нёльдеке (1836–1930), А. Мюллер (1848–1892), Й. Эструп (1867–1937). С периодически пополняемым списком исследований можно ознакомиться на сайте крупного современного немецкого ученого Ульриха Марцольфа: <https://wwwuser.gwdg.de/~umarzol/arabiannights.html>.

В самой распространенной версии книга «Тысячи и одной ночи» имеет рамочную, или «обрамленную», композицию. Основная история повествует о правителе Шахрияре,

решившем убивать всех женщин из-за их коварства и греховной природы. Когда очередь доходит до мудрой дочери его визиря Шахразаде, она придумывает рассказывать правителю увлекательные сказки каждую ночь, а с рассветом прерывать их на самом интересном месте. Спустя три года Шахрияр признает талант и добродетель Шахразады и дарует ей жизнь. Этот счастливый финал, по всей видимости, был более поздней вставкой. Каждая сказка Шахразады имеет ящичную композицию, что позволяет включать неограниченное количество других повествований. Часто история приводится в ответ на просьбу собеседника пояснить или проиллюстрировать некое высказывание. Название «тысяча и одна ночь» отражало изначально не количество реальных ночей, а передавало идею неопределенного множества.

«Книга тысячи и одной ночи» — наглядный образец искусства рассказывать истории. Среди способов организации повествования можно выделить:

- *повторяющиеся тематические и лексические элементы*: фразы, мотивы и описания периодически повторяются, чтобы привлечь внимание читателя к важным моментам;
- *драматическую визуализацию*: ситуация или персонаж детально описываются для более яркого восприятия;
- *прием «радость после трудности»*: персонаж неожиданно избавляется от страданий;
- *стихотворные вставки*: образцы классической арабской поэзии вводятся как для живости и красочности, так и как дань высокой литературе в угоду рафинированным представителям городской среды.

Сейчас «Тысяча и одна ночь» — самый известный памятник арабского наследия, но в Средние века он вовсе не считался высокой литературой. В те времена только подлинные, а не выдуманные истории, подкрепленные авторитетом надежных передатчиков, могли претендовать на высокий жанр.

В оригинале сказкам «Тысячи и одной ночи» не присущ высокохудожественный, изящный, орнаментальный стиль княжеских зеркал, дружественных посланий или *макам* (плутовских новелл). Они написаны простым языком, так называемым «среднеарабским» (*ал-‘арабиййа ал-васита*), который представлял собой смесь литературного и разговорного языков. В этой связи переводы сказок часто упрекают в излишней цветистости, не характерной для текста оригинала. Однако именно с таким стилем «Тысяча и одна ночь» ассоциируется у широкой публики.

Помимо ярких персонажей самих сказок можно много говорить и о интереснейших реальных личностях, связанных с историей сложения памятника. Это его рассказчики, переводчики, исследователи. Среди них путешественник из Алеппо Ханна Дийаб.

Его личность привлекла внимание исследователей дважды. Сначала, когда были найдены дневники Антуана Галлана, в которых он засвидетельствовал, что за 11 встреч Ханна Дийаб поведал ему 16 историй, в числе которых «Сказка о волшебной лампе Алладина» и «Сказка про Али Бабу». Затем, когда в 1997 г. в Ватиканской апостольской библиотеке была найдена рукопись воспоминаний почтенного алеппского торговца тканями Ханна Дийаба о его авантюрном путешествии в юности из Алеппо в Париж.

В своих мемуарах о насыщенном яркими приключениями и новыми познаниями путешествии ко двору французского монарха Ханна Дийаб предстает как мастер не только устного, но и письменного повествования. Данное произведение позволяет посмотреть на известную западным читателям историю о счастливой встрече французского арабиста с таинственным помощником с иного ракурса — глазами самого рассказчика знаменитых сказок. Ханна Дийаб был хорошо образован и владел помимо арабского языка турецким, французским, итальянским и прованским. Его знания

формировались в устной и письменной культурной среде Алеппо, в то время бурно развивавшегося интернационального торгово-ремесленного центра. Круг его чтения составляли исторические персидские хроники, волшебные сказки, сказки «Тысячи и одной ночи», составленные для арабских христиан, а также французский перевод итальянских сказок. Интересные истории он мог слышать и в устной передаче — от профессиональных сказителей, которых приглашали в маронитские дома. Сам Дийаб в воспоминаниях нередко упоминает о своем интересе к общению с людьми и выслушиванию их тайных историй. Рассказывая истории Галлану, Дийаб, скорее всего, не пересказывал сказки некоего сборника, а создавал новые истории, реорганизовывая известные фольклорные мотивы и сюжетные элементы в новые значимые контексты.

В настоящее издание вошли сказки в переводе М. А. Салье, выполненном по Второму Калькуттскому изданию (1839–1842), воспроизводящему более позднюю, египетскую редакцию памятника. Были отобраны повествования разных жанров и расположены тематически в обрамлении истории о Шахрияре и Шахразаде. Это истории о «диковинках и чудесах» из первоначального индо-иранского цикла («Рассказ о купце и духе», «Рассказ о рыбаке», «Рассказ о носильщике и трех девушках», «Рассказ о трех яблоках»), сказки об исторических персонажах («Рассказ о Зул-Карнейне», «Рассказ о царе Ануширване»), дидактические притчи о животных, сказки из багдадского цикла («Повесть о Харуне ар-Рашиде и невольнице», «Рассказ об Исхаке Мосульском»), «сказки-сироты», не встречавшиеся в рукописях до перевода Галлана, но ставшие самыми известными «Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану», «Рассказ про Ала ад-Дина и волшебный светильник»), сказки о любви плотской («Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис») и о любви платонической («Рассказ об узрите и его возлюбленной»),

сказки о путешествиях («Сказка о Синдбаде-мореходе»), сказка о плутах («Рассказ о Далиле-Хитрице и «Али Зейбаке Каирском») и бытовые городские сказки («Повесть о медном городе», «Рассказ о Маруфе-башмачнике»).

Книга «Тысячи и одной ночи» вдохновляла многих выдающихся литераторов. Можно упомянуть, например, философские размышления Хорхе Луиса Борхеса и Джона Барта, романы-высказывания о современном политическом устройстве Нагиба Махфуза и Ильяса Хури, постмодернистский роман Роберта Ирвина «Арабский кошмар», тексты Салмана Рушди и Орхана Памука. Чарующий мир арабских сказок воплотился в шедеврах мировой культуры: музыке Н. А. Римского-Корсакова, балетах «Русских сезонов» Сергея Дягилева, фильмах Карла Пазолини. Изучение архитектоники «Тысячи и одной ночи» обогатило разные науки и направления от нарратологии до сказкотерапии. Похоже, что творческий потенциал этого памятника далеко не исчерпан: его будут исследовать дальше, предлагать новые переводы, создавать на его основе новые смыслы.

*Кристина Осипова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры арабской филологии
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.*